

John Ronald Reuel
Tolkien

THE HOBBIT
OR
THERE AND BACK AGAIN

Unwin Books
London 1937

Джон Рональд Руэл
Толкин

ХОББИТ,
ИЛИ
ТУДА и ОБРАТНО
Иллюстрации Дениса Гордеева

АСТ
Москва

УДК 821.111–312.9
ББК 84(4 Вел)-44
Т52

John Ronald Reuel Tolkien
The HOBBIT or THERE AND BACK AGAIN

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd.
Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Перевод с английского М. Каменкович и С. Степанова

Толкин, Джон Рональд Руэл.

Т52 Хоббит, или Туда и Обратно / Дж. Р. Р. Толкин; пер. с англ.
М. Каменкович, С. Степанова. – Москва: АСТ, 2019. – 384 с.

ISBN 978-5-17-116759-2

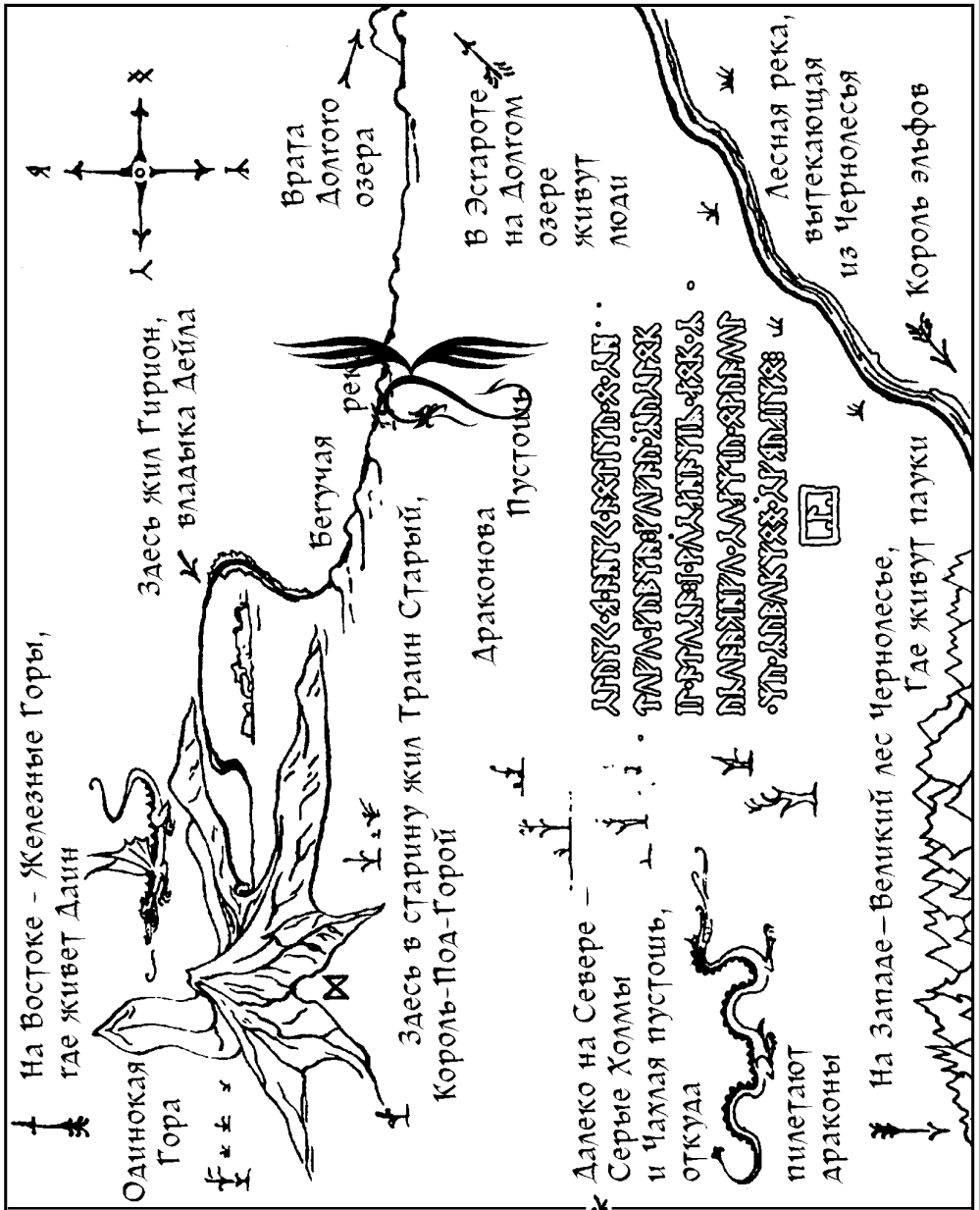
Для читателей во всем мире «Хоббит» — это первое знакомство с прекрасным миром Средиземья, населенного эльфами, магами, гномами, драконами и другими удивительными созданиями, которые встречают нас на страницах культовой трилогии «Властелин колец».

«Хоббит» в переводе Марии Каменкович и Владимира Степанова, с иллюстрациями Дениса Гордеева — настоящее произведение искусства, сочетающее волшебство слова и рисунка.

УДК 821.111–312.9
ББК 84 (4 Вел)-44

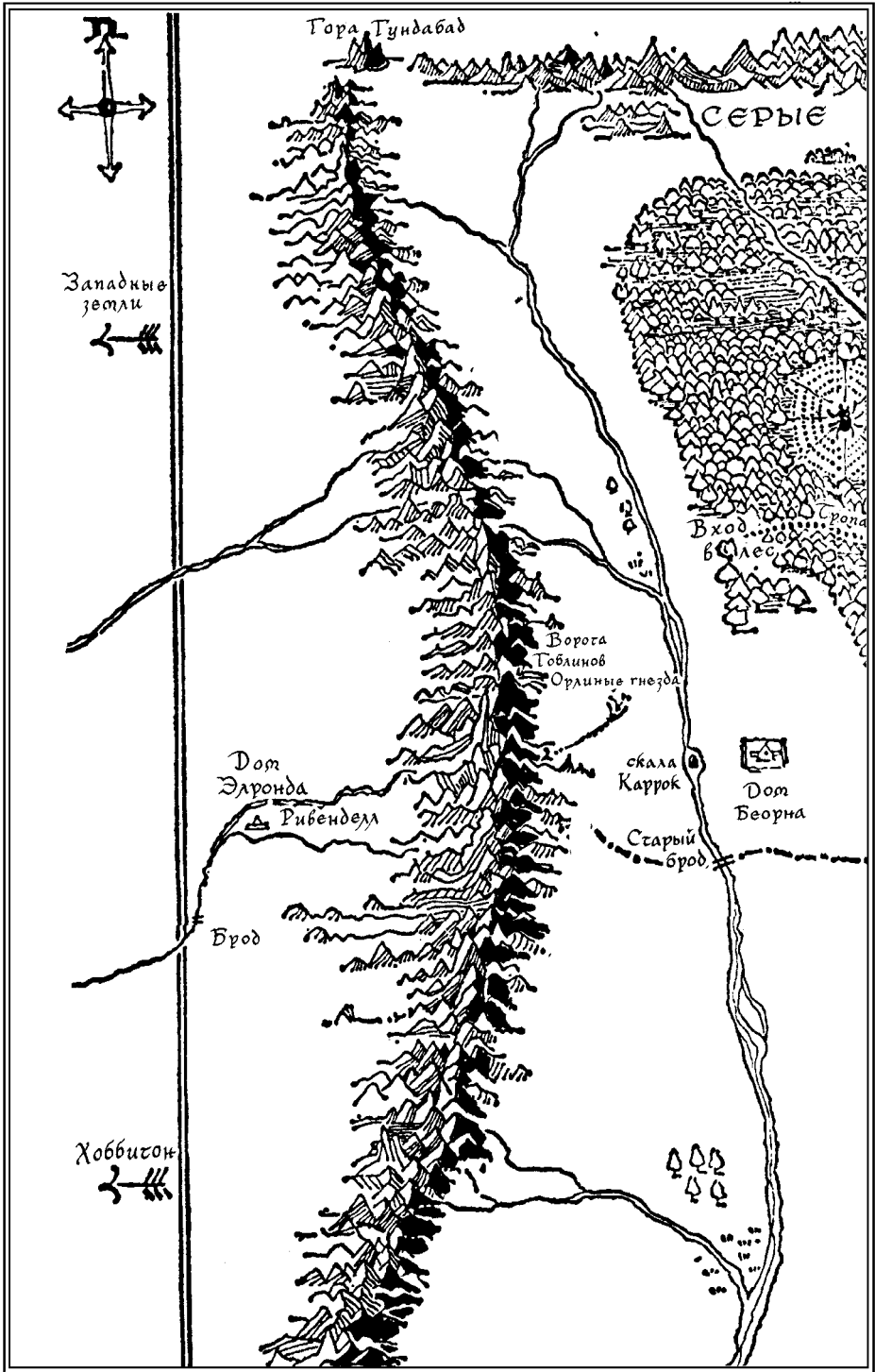
ISBN 978-5-17-116759-2

© The J. R. R. Tolkien Copyright Trust 1937, 1951, 1966, 1978, 1995, 1997
© М. Каменкович, С. Степанов, перевод на русский язык
© М. Каменкович, В. Каррик, комментарии
© Д. Гордеев, художественное оформление, иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ»

 ГЯИП
 <ЯИИ
 ПУАК-РА
 К-АСТАА:
 МЛАН-РААК
 АРВГ-Я-ТНН:
 .Л.Г.

Карта Гроа

Глава I
НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

В

глубокой норе жил-был хоббит*. Разумеется, не в грязной сырой норе, где из стен лезут червяки и дурно пахнет, но и не в сухой песчаной норе, где шаром покати и не на чем даже посидеть, не говоря уже о том, чтобы чем-нибудь подкрепиться. Вовсе нет! То была настоящая хоббичья нора, а это значит — очень и очень уютная.

Круглая входная дверь была выкрашена в зеленый цвет, и точь-в-точь посередине блестела круглая латунная ручка. От входной двери начиналась прихожая — этакий туннельчик, точнее, труба, но очень

симпатичная и безо всякого там дыма. Стены были обшиты деревянными панелями, на полу — паркет и коврики; здесь же стояли полированные стулья и великое множество вешалок для шляп и плащей — дело в том, что хоббит любил гостей. Туннель шел не прямо, а все поворачивал и поворачивал, уходя в глубину холма, который на много миль в округе все так и называли Холмом. И отнюдь не единственная круглая дверка распаивалась с рассветом на его склонах — сначала на одном, а потом и на другом... Бегать вверх-вниз по лестницам хоббиты не любят, поэтому спальни, ванны, погреба, кладовки (их было много!), гардеробные (для одной только одежды у этого хоббита предназначалось несколько комнат!), кухоньки, гостиные — все это находилось на одном этаже, а если сказать точнее, было доступно из главного коридора. По левую руку от входа располагались самые лучшие комнаты, ибо только они имели окошки — глубоко сидящие круглые окошки, выходившие в сад и на луговину, которая шла по склону до самой речки.

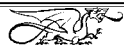
Надо сказать, что хоббит этот был довольно зажиточный, а фамилия его была Бэггинс*. С незапамятных времен жили Бэггинсы в окрестностях Холма и во все времена пользовались всеобщим уважением — не только потому, что в большинстве своем были богаты, но и потому, что никогда не впутывались ни в какие приключения и никаких неожиданностей от них ждать не приходилось. Заранее можно было сказать, что ответит Бэггинс на любой вопрос, и даже не трудиться спрашивать. Но эта история как раз о том, как с Бэггинсом вышло приключение и как он стал вытворять вещи совершенно неожиданные. Этот Бэггинс, возможно, потерял уважение соседей, зато снискал... Впрочем, снискал ли он хоть что-нибудь, вы узнаете только в самом конце.

Матерью этого самого хоббита... Впрочем, вы уже, конечно, вправе спросить, что собой представляют хоббиты. Думается, несколько слов о них сказать следует, поскольку теперь, помимо того, что и вообще-то хоббитов осталось на свете совсем мало, они еще и прячутся от Больших — так они называют нас с вами. Но и в прежние времена они были народцем весьма малочисленным. Росту в них — половина нашего, они даже

меньше бородачей-гномов. Кстати, борода у хоббитов не растет. Ничего волшебного в хоббитах нет, не считая, конечно, одного — обиходного, так сказать — волшебства, которое помогает им мгновенно скрываться из виду, когда большие, неуклюжие существа вроде нас с вами с грохотом и топотом ломятся навстречу, словно слоны. А слышат нас хоббиты за целую милю. Они склонны к полноте, одеваются в яркие цвета, предпочитают желтый и зеленый, а вот обуви не носят вовсе, поскольку от природы на подошвах у них кожа толстая, как хорошая подметка; волосы на голове у них курчавые, равно как и бурая шерстка на ногах, густая и теплая. У хоббитов ловкие, подвижные пальцы, добродушные лица и сочный, заразительный смех (особенно после обеда, который они имеют обыкновение устраивать по два раза на дню, — если, разумеется, ничто не мешает). Ну вот, теперь вы знаете достаточно и мы можем двигаться дальше. Я уже обмолвился, что матерью этого хоббита (я имею в виду Бильбо* Бэггинса) была легендарная Белладонна Тукк, одна из трех достойных дочерей Старого Тукка, главы клана хоббитов, что жили по ту сторону Реки, — так называлась небольшая речка у подножия Холма. Хоббиты (разумеется, из других кланов!) поговаривали, что когда-то давным-давно кто-то из Тукков женился на фее*. Разумеется, все это только сплетни*, но, как бы то ни было, чувствовалось в Тукках что-то не совсем хоббичье, и время от времени кто-нибудь из них пускался в путешествие, в котором не обходилось без приключений. Исчезали они обычно без особого шума, а родственники тщательно скрывали их отсутствие. Но факт остается фактом — Тукков уважали куда меньше Бэггинсов, несмотря на то что, безо всякого сомнения, Тукки были богаче.

Едва ли можно утверждать, что после того, как Белладонна Тукк вышла замуж за Банго Бэггинса*, с ними что-то этакое приключилось, — пожалуй, нет. Банго Бэггинс, отец Бильбо, отгрохал для своей супруги (правда, частично на ее средства) роскошную хоббичью нору, какой не сыскать было ни ниже, ни выше по Холму, ни даже по ту сторону Реки, — нору, в которой они и прожили до конца своих дней. Тем не менее не исключено, что их единственный сын Бильбо, который, хотя и

был внешностью и характером точной копией своего уравновешенного и рассудительного отца, унаследовал кое-что и по линии Тукков — нечто такое, что ждало только случая, чтобы всплыть на поверхность. Однако случая все не подворачивалось — до тех самых пор, пока Бильбо не стал совсем взрослым (ему было уже около пятидесяти) и, прочно обосновавшись в обустроенной отцом отличной хоббичьей норе, которую я вам только что описал, не остепенился, как всем казалось, окончательно и бесповоротно.

Как-то утром, много-много лет назад, когда шума в мире было поменьше, а трава была зеленей, и хоббитов было еще довольно много, и жили они припеваючи, — Бильбо Бэггинс стоял у входа в свою нору и посасывал после завтрака длинную деревянную трубку, которая едва не доставала до его поросших шерсткой лодыжек (кстати, тщательно причесанных), — и тут ни с того ни с сего явился Гэндальф*. Да-да, Гэндальф! Если бы вы слышали хотя бы четвертую часть из того, что слыхивал о нем я, а слыхивал я разве малую толику того, что о нем говорилось, вы бы наверняка уже приготовились к какой-нибудь замечательной истории. Истории и приключения, причем свойства самого необыкновенного, следовали за ним по пятам. Целую вечность не появлялся Гэндальф в окрестностях Холма. Пожалуй, с тех самых пор, как умер его давний приятель Старый Тукк. Так что хоббиты едва и помнили, как он выглядит. Ведь Гэндальф ушел за Холм и за Реку по своим делам еще в те времена, когда теперешние хоббиты-старожилы под стол пешком ходили.

Старик и посох — вот все, что ничего не подозревавший Бильбо увидел перед собой в то достопамятное утро. На старике была синяя остроконечная шляпа, длинный серый плащ и серебристый шарф, а его седая борода свисала ниже пояса. Обут он был в огромные черные сапоги.

— Доброе утро! — приветствовал его Бильбо, ничего другого не имея в виду. Светило солнышко, и трава была зеленей зеленого.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Гэндальф, лукаво глядя на Бильбо из-под косматых бровей, выдававшихся даже за

широкие поля его шляпы. — Ты просто желаешь мне доброго утра или говоришь, что утро доброе вообще, хочу я того или нет? Или что нынче утром ты пребываешь в добром здравии? Или что это утро доброе во всех отношениях?

— Да все вместе! — ответил Бильбо. — А кроме того — что таким чудесным утром хорошо выкурить трубочку на пороге своего дома! Если ваша трубка при вас, присаживайтесь и отведайте моего табачку. Спешить-то ведь некуда — целый день впереди!

Бильбо сел на лавочку у двери, закинул ногу на ногу и выпустил отличное колечко серого дыма, которое поднялось в небо и целехоньким поплыло куда-то за Холм.

— Славно! — сказал Гэндальф. — Однако нынче утром мне недосуг пускать колечки. Я ищу спутников для одного приключения, да что-то никак не получается.

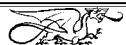
— И вряд ли получится! По крайней мере в наших местах. Мы народ тихий и пользы в приключениях не видим. Одна морока с ними! Из-за них иной раз и к обеду опоздать можно! Ума не приложу, что такого находят в этих приключениях? — сказал наш хоббит и, засунув большой палец за лямку штанов, выпустил еще одно колечко, побольше.

Затем он принялся просматривать утреннюю почту, всем своим видом показывая, что старик его больше не интересуется. Хоббит пришел к выводу, что они друг другу не очень-то подходят, и хотел, чтобы гость поскорее откланялся. Но старик не двигался с места. Опершись на палку, он молча стоял и пристально смотрел на хоббита, пока тот не почувствовал себя настолько неуютно, что даже немножко рассердился.

— Доброе утро! — вымолвил он наконец. — Благодарю вас! Нам тут никакие приключения не надобны. Лучше бы вам сходить куда-нибудь за Холм или за Реку.

Хоббит ясно давал понять, что на этом разговор окончен.

— Сколько же у тебя этих твоих «Доброе утро!»? — усмехнулся Гэндальф. — На этот раз оно, видимо, означает, что тебе не терпится отделаться от меня и что это утро не будет добрым до тех пор, пока я не уберусь подальше.

— Что вы, что вы, уважаемый! Извините, но что-то я не припоминаю вашего имени!

— Да уж вижу, уважаемый! Но я-то тебя отлично знаю, Бильбо Бэггинс! Да и мое имя тебе небезызвестно, хотя ты и не признал меня. Я Гэндальф! И Гэндальф — не кто иной, как я! Подумать только, до чего я дожил! Сынок Белладонны Тукк спроваживает меня с порога своими «Доброе утро!», словно я какой-нибудь жалкий торговец пуговицами!

— Гэндальф?! Гэндальф! Вот это да! Уж не тот ли вы странствующий волшебник, что подарил Старому Тукку волшебные алмазные запонки, которые вдеваются сами, а расстегиваются только по команде? Не тот ли, что рассказывал на вечеринках столько чудесных историй о драконах и гоблинах, о великанах, о спасении принцесс и о том, как везет иногда бедным сиротам? Не тот ли, что снаряжал такие великолепные фейерверки? Я их еще помню! Старый Тукк обычно устраивал их в канун Преполовения Лета*. Это было восхитительно! Ракеты взлетали в небо, словно огромные огненные цветы — лилии, львиный зев, астры, — и держались там весь вечер!

Вы, наверное, уже поняли, что Бильбо Бэггинс был, в общем-то, не таким занудой, каким мог показаться с первого взгляда, и что к цветам он был весьма неравнодушен.

— Вот здорово! — не унимался Бильбо. — Не тот ли вы Гэндальф, который подбил столько наших мальчишек и девчонок очертя голову ринуться навстречу сумасшедшим приключениям — лазать на деревья в гости к эльфам, ходить под парусами к далеким берегам... Все это так заманчи... Я хотел сказать, здорово вы умели всех тут переполошить! Прошу прощения, но я даже подумать не мог, что вы продолжаете заниматься подобными делами!

— Чем же мне еще прикажешь заниматься? — серьезно спросил волшебник. — Как бы то ни было, я рад удостовериться, что кое-что обо мне ты еще помнишь. Во всяком случае, ты вроде бы помянул добрым словом мои фейерверки. Значит, не все еще потеряно! Так и быть! Ради твоего достойного деда Тукка и незабвенной Белладонны я дам тебе то, чего ты так просишь!

— Прошу прощения, но я вообще-то ничего не просил!

— Нет, просил! Только что, а теперь уже и дважды! Моего прощения. Получай его! И даже больше — я таки отправлю тебя в это приключение. Мне забава, а тебе польза — да к тому же, очень может статься, что и выгода! Если, конечно, ты вернешься...

— Благодарю покорно, увольте! Не желаю я никаких приключений! Во всяком случае, не сегодня. Доброе утро! Однако заходите на чай, когда вам будет угодно. Отчего бы и не завтра? Приходите завтра! Всего доброго!

С этими словами хоббит повернулся и со всей возможной поспешностью скрылся за круглой зеленой дверью, захлопнув ее за собой настолько быстро, насколько это было, по его разумению, прилично. Что ни говори, а волшебники — они и есть волшебники.

«И зачем это я позвал его на чай, ума не приложу!» — подумал хоббит, направляясь в кладовку. И хотя он только что позавтракал, пирожок-другой и чашечка чаю после всего этого беспокойства показались ему совсем не лишними.

Тем временем Гэндальф все еще стоял перед зеленой дверью и тихонько посмеивался. Затем он подошел ближе и прямо по зеленой краске нацарапал концом посоха какой-то непонятный знак. И в тот самый миг, когда Бильбо, управившись со вторым пирожком, начал подумывать, что очень ловко отделался от приключений, — в этот самый миг Гэндальф повернулся и зашагал прочь.

На следующий день хоббит и думать забыл о Гэндальфе. Он никогда не помнил того, чего не записывал в Книгу Приглашений, — ну, что-нибудь вроде: «Гэндальф. Чай. Среда». А на этот раз он так переволновался, что ему было не до записей.

Была уже самая пора садиться пить чай, как вдруг раздался оглушительный звон дверного колокольчика. Тут-то хоббит и вспомнил! Он засуетился, быстро поставил чайник на огонь, принес вторую чашку с блюдцем, еще несколько пирожков и побежал открывать.

«Простите, что заставил вас ждать!» — собирался сказать хоббит, но обнаружил, что перед ним вовсе не Гэндальф, а гном* с голубой бородой и ясными глазами, блестящими из-